

В гримёрной за кулисами Государственного Большого театра Шэнь Яо устроился в самом тихом, уединённом уголке. Он послушно приподнял подбородок, облегчая работу гримёру.

Когда приготовления подходили к концу, женщина аккуратным, выверенным движением закрепила на его голове бутафорские оленьи рога.

Шэнь Яо приоткрыл глаза. В зеркале отразился его взгляд с мягким, золотисто-карим ободком вокруг зрачков. В этот раз рога казались ещё более естественными — тонкие, изящные ветви, точь-в-точь молодые побеги дерева.

— Подожди, — гримёр мягко перехватила руку юноши, когда тот потянулся поправить украшение. Слегка наклонившись, она закрепила на ветвях несколько крошечных нежно-зелёных цветков и с улыбкой добавила: — Чуть не забыла про эту деталь.

— Спасибо, — привычно отозвался Шэнь Яо, вежливо склонив голову.

Гримёр поправила упавшие на лоб артиста пряди. Глядя на его лицо так близко, она не удержалась от тихого вздоха:

— Когда-то давно я накладывала грим твоей маме. Ты невероятно на неё похож.

Мать Шэнь Яо в своё время блистала на этой сцене в качестве примы-балерины. Гримёр вспомнила, как в свой первый рабочий день здесь, столкнувшись с легендарной артисткой, так разволновалась, что у неё дрожали руки, когда она выводила ей брови. Но прима оказалась лишена всякого высокомерия. Она лишь тепло улыбнулась и успокоила её: «Не переживай так, если что-то пойдёт не так, мы просто сотрём и нарисуем заново».

Когда с ней случилось несчастье, вся труппа искренне скорбела. Все знали, что её сын унаследовал редкий дар, но никто и подумать не мог, что судьба вновь приведёт его на эти подмостки.

— А ведь я держала тебя на руках, когда ты был совсем крохой, — перед тем как уйти, женщина налила ему стакан тёплой воды, опустила туда трубочку и тихо, с искренним теплом напутствовала: — Говорят, талантом ты ничуть не уступаешь матери. Сегодня твой первый сольный выход на этой сцене. Удачи.

Гримёрная не была индивидуальной — во время репетиций и прогонов артисты всегда собирались вместе. Вокруг царила шумная, оживлённая атмосфера, воздух буквально гудел от голосов и смеха. На этом фоне уединённый уголок Шэнь Яо казался островком звенящей тишины. Впрочем, к его обособленности все уже привыкли. Коллеги знали, что этот одарённый новичок предпочитает держаться особняком и никогда не ходит на общие посиделки.

Попасть на сцену Государственного Большого театра удавалось лишь одному из десятка тысяч.

То, что Шэнь Яо получил право на сольное выступление едва окончив учёбу, у многих вызывало глухую зависть. Однако спорить с очевидным было бессмысленно — его мастерство не оставляло шансов для критики. К тому же со временем выяснилось, что, несмотря на внешнюю холодность, юноша никогда не отказывал в помощи, если кто-то просил подсказать нюансы движения или исправить ошибку в связке. Постепенно недовольство улеглось, и пересуды за его спиной сводились лишь к обсуждению его странного, замкнутого характера.

Шэнь Яо медленно пил воду через соломинку, не отрывая взгляда от собственного отражения. В этом не было самолюбования — он лишь внимательно изучал свой сценический образ.

Костюм, который он надел заранее, был сшит из тончайшей, невесомой ткани нежно-зелёного оттенка, напоминающего едва пробивающуюся весеннюю зелень. По шёлку бежали изящные золотые нити, вспыхивающие под лучами софитов драгоценными искрами. И этот цвет, и оленьи рога были результатом долгих обсуждений с наставником — Шэнь Яо лично выбирал каждую деталь.

Их первая встреча с Сюй Ибаем произошла благодаря совместному выступлению на университетском юбилее. Юноша до сих пор отчётливо помнил тот день: на нём было трико цвета бледного горошка, когда он отворил дверь репетиционного зала и столкнулся взглядом с Сюй Ибаем, чьи пальцы как раз коснулись клавиш рояля.

Один жил музыкой, другой — танцем.

Шэнь Яо долго планировал эту встречу. История их безупречного, кинематографического романа, начавшись так поэтично, требовала не менее красивого финала.

Конец должен зеркально отражать начало — омега любил, когда в сюжете не остаётся недосказанности.

На сцену Шэнь Яо ступил босым, укутанным в полупрозрачную вуаль. Когда софиты вспыхнули, тончайшая ткань отозвалась мириадами мерцающих брызг, словно на его плечи набросили саму ночную звёздную бездну. В унисон со светом хлынули первые звуки музыки — чистая, виртуозная фортепианная партия.

Омега поднялся на полупальцы и плавным движением рук приподнял вуаль, скрывавшую оленьи рога, являя себя миру подобно лесному оленёнку, впервые выходящему к людям. Этот сольный танец значил для него слишком много. Он вложил в него всю душу, неделями оттачивая каждое движение до абсолютного автоматизма. Стоило танцу начать разворачиваться, как переполненный зрительный зал перестал для него существовать.

В полумраке сцены лицо танцора проступало всё отчётливее. Узнав его, Янь Юань смягчилась в лице и, склонившись к самому уху Янь Чжисина, негромко произнесла:

— Тот омега с недавнего приёма. Я его запомнила.

Янь Чжисин никогда не страдал забывчивостью на лица. Напротив, он обладал цепкой памятью и при повторной встрече без труда извлекал нужный образ из её глубин. Черты лица Шэнь Яо — одновременно холодные и манящие — врезались в память сразу. Янь Чжисину даже не пришлось напрягаться: он узнал омегу мгновенно.

С виду — беззащитный, нежный цветок, но это было лишь иллюзией. Особой симпатии к танцору мужчина не испытывал, а потому лишь слегка нахмурился.

Заметив его реакцию, Янь Юань понимающе улыбнулась:

— Мне нравятся красивые дети, а он на редкость хорош собой. Я узнавала — у него ещё никого не было.

Янь Чжисин продолжал бесстрастно смотреть перед собой. На сцене омега взмывал в прыжках и кружился в безупречных пируэтах. Движения завораживали пластикой, и даже Янь Чжисин, человек абсолютно равнодушный к искусству, уловил в этом представлении глубокий подтекст. Прекрасно поняв намёк собеседницы, он ровно отрезал:

— Он не в моём вкусе.

Такой ответ несколько не удивил Янь Юань. С тем же мягким любопытством она поинтересовалась:

— А того омегу, которого ты так упорно ищешь, удалось найти?

— Нет, — сухо бросил он.

Его губы плотно сжались. С досадой поправив манжет, он случайно задел локтем соседа-альфу. Заметив оплошность, Янь Чжисин негромко произнёс:

— Прошу прощения.

Ответа не последовало. Мужчина рядом сидел неподвижно, устремив весь свой взор на сцену. Казалось, он пребывал в глубоком трансе и не замечал ровным счётом ничего вокруг. Он пропустил мимо ушей не только недавний негромкий разговор брата с сестрой, но и само извинение.

Образ кружащегося на сцене омеги в сознании Сюй Ибая тесно переплетался с воспоминаниями. Наконец-то он понял, о каком сюрпризе говорил Шэнь Яо. От осознания сладко кружилась голова.

Тот выступал в оленьих рогах под звуки его фортепианной пьесы, и даже некоторые связки в его хореографии в точности повторяли их выступление на юбилее. Расстояние между ними было велико, но для Сюй Ибая оно казалось идеальным.

Он словно воочию наблюдал за каждым шагом становления Шэнь Яо. Впервые он увидел его танец в залитом солнцем просторном классе, затем — на сцене университета. И вот теперь омега парил на подмостках Государственного Большого театра. Этот сольный выход — важнейшая веха в карьере любого артиста. И на этой вершине Шэнь Яо оставил место для его имени.

Посреди переполненного зала это был их личный, безмолвный секрет.

Музыка постепенно затихала. Завершив финальное вращение, Шэнь Яо опустился на пол, хрупким силуэтом свернувшись на сцене. Взлетевшая в пируэте тонкая вуаль плавно опустилась сверху, укрывая его, словно невесомый туман.

Зал взорвался оглушительными аплодисментами. Шэнь Яо поднялся на ноги. Он помнил, на какое именно место взял билет для Сюй Ибая, и во время поклона устремил взгляд в ту сторону, мягко, едва заметно сощутив глаза в улыбке.

Сидевший рядом с Сюй Ибаем альфа равнодушно хлопнул в ладоши пару раз и опустил руки. Подобная ирония судьбы удивила даже самого Шэнь Яо.

Он спокойно отвёл взгляд и с безупречной улыбкой поклонился публике ещё раз.

Когда зрители потянулись к выходу, Шэнь Яо отправил Сюй Ибаю сообщение с просьбой пройти через правый служебный коридор.

На запасной лестнице не было ни души. В прохладной тишине гулко отдавался каждый шаг. Шэнь Яо устроился на высоком подоконнике в самом углу, куда не доставал объектив камеры наблюдения, и безмятежно покачивал ногами в воздухе.

Завидев Сюй Ибая, он доверчиво раскрыл объятия. Тот ускорил шаг и, привычно обхватив его за талию, негромко спросил:

— Снять тебя?

— Не нужно, — Шэнь Яо просто льнул к нему, упиваясь этим моментом. — Хочу просто поддержать тебя за плечи.

Юноша так и не сменил тонкий сценический наряд, и сквозь невесомый шёлк Сюй Ибай отчётливо ощущал жар его тела. Шэнь Яо обвил руками его шею, обжигая дыханием:

— Поцелуй меня.

Его губы и без того были яркими, а нанесённый гримёром блеск придавал им влажное, соблазнительное сияние, подчёркивая изящный изгиб.

— Яояо...

Сюй Ибай не смог устоять. Он склонился и накрыл его губы своими. За окном раскинулась безмолвная южная ночь под высоким куполом луны, бесстрастно созерцающей их уединение.

Они целовались бесчисленное множество раз. Шэнь Яо привычно прижался к нему ближе, слегка приподняв подбородок и увлекая в глубокий, тягучий поцелуй. Когда-то Сюй Ибай смущался от такой близости, но теперь от прежней неловкости не осталось и следа. Его не заботило даже то, что в пустом коридоре слишком отчётливо звучали их прерывистые вздохи.

Сегодня Сюй Ибай был не на шутку взволнован. Положив ладонь на затылок омеги, он осторожно потянул его на себя, заставляя отклониться назад. Налобное украшение с тонкими рожками с негромким стуком коснулось оконного стекла. Поддавшись какому-то порыву, Сюй Ибай слегка задел пальцами искусственное ушко на ободке.

— Не надо... м-м...

Это были лишь бутафорские ушки, однако заколки, которыми они крепились к волосам, при малейшем движении задевали чувствительные точки на коже головы. Шэнь Яо пронзила мгновенная, похожая на слабый разряд тока дрожь.

Его пальцы мгновенно ослабли, а едва зародившийся стон тут же затерялся в новом, настойчивом поцелуе.

Обычно чуткий к малейшему дискомфорту партнёра, сегодня Сюй Ибай казался слишком окрылённым и нетерпеливым, чтобы остановиться.

Когда они наконец оторвались друг от друга, губы Шэнь Яо горели пунцовым цветом. Всё так же сидя на подоконнике, он игриво задел носком туфли лодыжку альфы и тихо спросил:

— Тебе понравился мой подарок?

— Очень, — голос Сюй Ибая звучал глухо и хрипло. — Безумно понравился. Но зачем нужно было скрывать всё это, ты мог бы просто...

— Главное, что ты доволен, — Шэнь Яо нежно коснулся ладонью его щеки, пресекая лавину расспросов. — Но сегодня я не смогу остаться с тобой. Мне нужно съездить домой.

Он легко соскользнул на пол и, обойдя замершего Сюй Ибая, направился к выходу:

— Ложись спать пораньше. Доброй ночи.

Сюй Ибай порывисто протянул руку, пытаясь удержать его, но пальцы лишь рассекли прохладный воздух. Ощущение безграничного счастья мгновенно сменилось глухой тревогой. Он бросился следом и перехватил омегу за запястье:

— Яояо, стой.

Шэнь Яо обернулся. В полумраке его улыбка казалась невероятно притягательной. Он мягко указал на ожидавшую внизу машину:

— Мне действительно необходимо уехать. Правда.

Несмотря на безупречность этого вечера, внутри у Сюй Ибая нарастало смутное предчувствие беды. Он судорожно сжал его пальцы, не желая отпускать.

Шэнь Яо со вздохом улыбнулся. Приподнявшись на цыпочки, он едва ощутимо, словно мимолётным касанием крыла бабочки, запечатлел поцелуй на его губах и невинно добавил:

— Такси ждёт уже слишком долго.

Юноша спустился по лестнице. Он не оглядывался, хотя лопатками чувствовал провожающий его неотрывный взгляд.

Устроившись на заднем сиденье автомобиля, он прикрыл глаза.

«Сюй Ибай хочет жениться на мне. Но этого никогда не случится»

По мнению Шэнь Яо, в жизни каждого человека должна быть одна безупречная история любви. Когда они встречались с Гуань Шу, всё складывалось именно так — плавно, предсказуемо, послушно его воле. Однако сцена их разрыва пошла не по сценарию, оставив на идеальном холсте уродливую кляксу.

В этот раз он поехал не в особняк семьи Шэнь и даже не к себе на квартиру. Машина доставила его к уединённому, скрытому от посторонних глаз небольшому коттеджу.

Приняв душ и переодевшись, Шэнь Яо опустился на мягкий диван. Он молча наблюдал за тем, как секундная стрелка на настенных часах плавно перешагнула отметку полуночи.

Достав телефон, он набрал короткое сообщение для Сюй Ибая: «Сюй Ибай, давай расстанемся».

На этот раз Шэнь Яо чувствовал абсолютное умиротворение. Точка в конце предложения была поставлена вовремя и получилась безукоризненно ровной.

<http://bllate.org/book/18245/1748438>